

Глава 1

*Плейнсворт-хаус,
Лондон,
весна, 1825 год*

Если вспомнить книгу, которую его сестра прочла уже раз двадцать, то в ней, как о непреложной истине, говорилось, что любой холостой мужчина, обладавший приличным состоянием, должен хотеть обзавестись женой.

Сэр Ричард Кенуорти был холост, правда, приличным состоянием не обладал. А вот что касается жены... тут имелись кое-какие сложности.

«Хотеть» — было не правильное слово. Кому хочется обзавестись женой? Можно предположить, что это должен быть мужчина, который влюблен. Но Ричард не был влюблен сейчас, не влюблялся прежде, и у него даже предчувствия не возникало, что подобное может случиться с ним в обозримом будущем.

Не то чтобы Кенуорти являлся противником данной идеи. Нет, у него просто не было на это достаточно времени.

Он неловко заерзал в кресле и взглянул на программку, которую держал в руках.

*Сердечно приветствуем Вас
на 19-м Ежегодном музыкальном празднике
Смайт-Смитов
с участием высокопрофессионального квартета
в составе двух скрипок, виолончели и фортепиано.*

Кенуорти вдруг стало неспокойно.

— Благодарю тебя еще раз за то, что составил мне компанию, — обратился к нему Уинстон Бевелсток.

Ричард, скептически взглянув на давнего друга, заметил:

— Мне даже неудобно, Уинстон, от того, как часто ты благодаришь меня.

— Я известен своими безупречными манерами. — Уинстон пожал плечами. Сколько Ричард его знал, он всегда ими пожимал, словно безмолвно воскликая: «Ну что тут поделаешь!»

«На самом деле это не важно, если я забуду сдать экзамен по латыни. Я всего лишь второй сын». — И пожал плечами.

«Гребная шлюпка перевернулась, когда я был уже у самого берега». — То же самое.

«За все хорошее в жизни нужно благодарить мою сестру». — Опять пожатие плечами. А также дьявольская усмешка в дополнение.

Когда-то Ричард был тоже легкомысленным, как и Уинстон. На самом деле ему даже понравилось бы вновь ощутить себя таким.

Но, как уже было сказано, у Ричарда не оставалось на это времени. «Всего лишь две недели. От силы — три, — прикинул Кенуорти. — Четыре — это уже предел».

— Ты их знаешь? — спросил он Уинстона.

— Кого их?

Ричард помахал программкой.

— Музыкантш.

Уинстон откашлялся и виновато отвел глаза.

— Я бы не назвал их музыкантшами...

Ричард посмотрел в дальний конец бального зала, где устроили импровизированную сцену.

— Так ты знаком с ними? — повторил он. — Тебя им представили? — Сейчас Уинстон, по своему обыкновению, скажет что-нибудь загадочное. Ну и ладно! У Ричарда был свой резон находиться здесь.

— С девушками из семейства Смайлт-Смитов? — Уинстон пожал плечами. — С большинством из них, да. Дайка подумать, кто играет в этом году? — Он заглянул в программку. — За роялем леди Сара Прентис. Это странно, она ведь уже замужем.

Вот дьявол!

— Обычно в концерте участвуют только незамужние леди, — объяснил Уинстон. — Как только они выходят замуж, им дают отставку.

Ричард в этом не сомневался. Собственно, именно по этой причине он и согласился прийти сюда. Вряд ли это сильно удивило кого-то. Неженатый джентльмен двадцати семи лет от роду появляется в Лондоне впервые после трехлетнего отсутствия... Не нужно быть мамашей, озабоченной тем, как побыстрее выдать дочку замуж, чтобы понять, что это означает.

Просто он не ожидал, что придется так торопиться.

Нахмутившись, Ричард оглядел фортепьяно. Отличный инструмент! И дорогой. И звучит, вне всяких сомнения, намного лучше, чем тот, что стоит у него в Мейклифф-парк.

— Кто тут у нас еще? — пробормотал Уинстон, читая имена в программке. — На скрипке играет мисс Дейзи Смайлт-Смит. О, да, я с ней знаком. Она ужасна.

Дважды дьявол побери!

— А что с ней не так? — поинтересовался Ричард.

— Полное отсутствие чувства юмора. Само по себе это не так уж плохо, особенно, когда все вокруг только и делают, что умирают со смеху. Но у нее это... весьма очевидно.

— Как может быть очевидным отсутствие чувства юмора?

— Понятия не имею, — признался Уинстон. — Однако это так. Хотя она очень мила. Светлые кудряшки и все такое. — Он покрутил рукой возле уха, и Ричарду стало интересно, почему его друг решил, что таким же жестом нельзя показать брюнетку.

— Леди Гарриет Плейсворт. Эта тоже играет на скрипке, — продолжал Уинстон. — Не уверен, что мы были представлены друг другу. Должно быть, она младшая сестра леди Сары. Только-только вышла из классной комнаты, если мне не изменяет память. Вряд ли ей больше шестнадцати.

Трижды дьявол побери! Возможно, Ричарду нужно развернуться и уйти.

— А на виолончели... — Уинстон провел пальцем по плотно набранным строчкам программки, пока не нашел нужного места. — Мисс Айрис Смайлт-Смит.

— С ней тоже что-то не так? — поинтересовался Ричард, уже ни на что не надеясь.

Уинстон пожал плечами.

— Ничего такого. Насколько мне известно.

Это могло означать, что она поет йодлем на досуге. Когда отдыхает от набивки чучел.

Он не может быть таким невезучим. Ни в коем случае!

— Девица очень бледна, — сказал Уинстон.

Ричард поднял глаза на друга.

— Это недостаток?

— Конечно, нет. Просто... — Уинстон замялся, брови сошлись на переносице в видимом усилии сосредоточиться. — Если честно, я больше ничего о ней не помню.

Кенуорти медленно кивнул, его взгляд остановился на виолончели, которая стояла прислоненной к пюпитру. Инструмент тоже показался ему ценным, хотя он мало что знал о том, как производятся виолончели.

— Откуда такое любопытство? — удивился Уинстон. — Я понимаю, тебе приспичило жениться, но ведь не на Смайлт-Смитах.

Еще две недели назад так и было бы.

— Кроме того, тебе нужно приданое, не так ли?

— Нам всем нужны невесты с приданым, — мрачно заметил Ричард.

— Это верно, — согласился Уинстон. Хоть он и был сыном графа Ратленда, однако всего лишь вторым сыном. В будущем его не ожидало солидное наследство. Тем более что старший брат Уинстона был жив, здоров и к тому же имел двух сыновей. — Вероятнее всего, за Гарриет дадут тысяч десять. — Друг бросил оценивающий взгляд на программку. — Но как я сказал, она еще молода.

Ричард поморщился. Даже в его положении он должен соблюдать рамки приличия.

— Цветник...

— Цветник? — удивился Ричард.

— Айрис и Дэйзи*, — пояснил Уинстон. — А у них есть сестры Роуз и Мэриголд** и кто-то еще, я не помню имени. Может, Тюльп или Блюбелл?***

— Мою сестру, кстати, зовут Флер, что по-французски означает цветок. — Ричард почувствовал себя обязанным упомянуть об этом.

— Она просто очаровательна, — с готовностью подхватил Уинстон, хотя не встречался с ней ни разу.

— Ты начал говорить... — напомнил ему Ричард.

— Разве? Ах, да! О цветочках. Я не знаю наверняка, кому из них какие доли предназначаются, но не думаю, что большие. Мне кажется, в семье Смайл-Смитов пять дочерей. — Уинстон задумался. — А может, и больше.

«Это совсем не означает, что приданое за ними окажется скромным», — с надеждой подумал Ричард. Он мало что знал об этой ветви семьи Смайл-Смитов. По правде говоря, и о других ветвях Ричард знал не больше, за исключением того, что раз в год они собирались вместе, выбирали из своих рядов четырех девиц, способ-

* А и р и с (англ. Iris) — ирис; Д е й з и (англ. Daisy) — маргаритка. — Здесь и далее примеч. пер.

** Р о у з (англ. Rose) — роза; Мэриголд (англ. Marigold) — календула.

*** Т ъ ю л и п (англ. Tulip) — тюльпан; Блюбелл (англ. Bluebell) — колокольчик.

ных играть на музыкальных инструментах, и устраивали концерты, которые его друзья посещали с большой неохотой.

— Вот, возьми. — Уинстон протянул ему вату. — Потом еще спасибо скажешь.

Ричард уставился на друга, словно тот спятил.

— Засунь их в уши, — пояснил Уинстон. — Доверься мне.

— Доверься мне, — как эхо повторил Ричард. — От таких слов мне не по себе.

— Вот так, — произнес Уинстон, засовывая вату в уши, — я ничуть не преувеличиваю.

Ричард осторожно огляделся. Друг даже не попытался скрыть того, чем занимался. Конечно, это было очень невежливо — затыкать уши на концерте. Однако на Уинстона почти никто не обратил внимания, но те, кто обратили, явно ему позавидовали и не осудили.

Ричард пожал плечами и последовал примеру друга.

— Очень здорово, что ты здесь со мной. — Уинстон наклонился к самому уху Ричарда, чтобы тот услышал его через вату. — Не уверен, что я вынес бы все это без дополнительных сил обороны.

— Обороны?

— Без поддержки компании холостяков, страдающих в осаде, —sarкастически усмехнулся Уинстон.

Компания холостяков, страдающих в осаде? Ричард закатил глаза.

— Господи спаси, если ты придумываешь такие определения под воздействием винных паров.

— О, очень скоро ты и сам испытаешь это удовольствие. — Уинстон указательным пальцем оттянул карман ровно настолько, чтобы показать маленькую металлическую фляжку.

Ричард удивился. Кенуорти не был ханжой, но даже он понимал, что это моветон — пить открыто во время концерта, который устраивают юные леди.

Но тут представление началось, и уже через минуту Ричард привык к вате в ушах.

К концу первой части он почувствовал, как болезненно забилась жилка на виске, а когда дело дошло до тягучего скрипичного соло, вдруг ощутил всю тяжесть ситуации.

— Фляжку! — простонал Ричард, почти задыхаясь.

Надо отдать должное Уинстону, он даже не ухмыльнулся.

Ричард пригубил фляжку, в которой оказалось какое-то пряное вино, которое, впрочем, не притупило головную боль.

— Может, уйдем во время антракта? — шепнул он Уинстону.

— У них не бывает антрактов.

В ужасе Ричард уставился в программку. Он не был музыкантом, но ведь Смайл-Смиты наверняка понимали, что делают. На этом так называемом концерте...

Это была настоящая атака на человеческое достоинство.

В соответствии с тем, что значилось в программке, quartet юных леди на импровизированной сцене исполнял фортепьянный концерт Вольфганга Амадея Моцарта. По мнению Ричарда, фортепьянный концерт подразумевал игру на фортепьяно. Только вот леди, сидевшая за роскошным инструментом, играла половину из необходимых нот. И это в лучшем случае. Кенуорти не видел ее лица, потому что девушка низко склонилась над клавишами, изображая исполнителя, полностью погруженного в музыку, хотя и не бог весть какого искусного.

— Вон та, которая без чувства юмора. — Уинстон указал кивком на белокурую скрипачку.

Ага, мисс Дейзи! Из всех выступавших она казалась единственной считавшей себя великим музыкантом. Девушка всем телом раскачивалась из стороны в сторону, как это делают виртуозы во время исполнения, в то время

как смычок порхал по струнам. Ее движения были почти гипнотизирующими. И Ричард подумал, что какой-нибудь глухой на оба уха человек мог бы описать ее как воплощение музыки.

На самом деле Дейзи была воплощением какофонии.

А вот что касалось другой скрипачки... Интересно, он единственный, кто понимает, что она не умеет читать ноты? Девушка глядела куда угодно, но только не в ноты на пюпитре, и ни разу не перевернула страницу с того момента, как начался концерт. Она все время кусала губу и бросала яростные взгляды на мисс Дейзи, пытаясь подражать ее движениям.

Оставалась только виолончелистка. Ричард вдруг почувствовал, что не может оторвать от нее глаз, наблюдая, как она водит смычком по струнам. Из-за визгливых звуков скрипок ему никак не удавалось услышать ее игру, но постепенно Ричард смог различить в этом безумии низкие, полные скорби звуки виолончели и подумал, что...

Она весьма хороша!

Ричард пришел в восторг от этой маленькой девушки, которая старалась укрыться за огромным корпусом виолончели. По крайней мере, ей было понятно, насколько ужасно их исполнение. И она остро переживала из-за этого. Создавалось впечатление, что ее мучения материальны и до них можно дотронуться. Каждый раз, как только в ее партии возникала пауза, казалось, что она и сама хотела исчезнуть в молчании своего инструмента.

Это была мисс Айрис Смайт-Смит. Непостижимо, что она приходится родственницей Дейзи, блаженной от счастья, не обращавшей внимания ни на кого вокруг, продолжающей наяривать на скрипке.

Айрис — странное имя для тонкой, как тростинка, девушки. Кенуорти всегда считал, что ирисы — самые роскошные цветы, такие сочные, густо лиловые или синие. Но Айрис выглядела настолько бледной, что казалась

почти бесцветной. Имбирного оттенка волосы невозмож но было назвать ни белокурыми, ни рыжеватыми. Со своего места в середине зала Ричард не мог видеть, какого цвета у нее глаза, но учитывая ее цветотип, они могли быть только светлыми. Она относилась к тому типу женщин, которых никто не замечает.

Однако Ричард не мог отвести от нее глаз.

Это же концерт, напомнил он себе. Куда еще смотреть? Кроме того, в том, чтобы глядеть в одну точку, было что-то успокаивающее. Музыка была настолько неблагозвучной, что у него моментально начинала кружиться голова, стоило ему отвести взгляд в сторону.

Ричард чуть не засмеялся. Мисс Айрис Смайт-Смит с ее мерцающими светлыми волосами и слишком большой, по сравнению с телом, виолончелью стала его спасительницей.

Сэр Ричард Кенуорти никогда не верил в знаки и предзнаменования, но сейчас поверил.

Почему этот мужчина так пристально разглядывает ее?

Концерт превратился в сплошное мучение. Айрис заранее знала, что так и будет. Уже в третий раз она участвовала в концертах и строила из себя дурочку перед тщательно отобранными представителями лондонской знати. Публика на музыкальных вечерах Смайт-Смитов была весьма специфической. Прежде всего члены семьи. По совести говоря, их можно было разделить на две группы: на мамаш и всех остальных.

Первые с блаженными улыбками смотрели на сцену, защищенные верой в то, что их дочери, демонстрируя музыкальные таланты, становятся предметом зависти у сверстниц.

— Какое воспитание! — восторгалась мать Айрис год за годом. — Какие манеры!

«Какая слепота! — Таков был молчаливый ответ Айрис. — Какая глухота!»

Ко второй группе Смайл-Смитов относились мужчины и женщины, которые уже принесли свои жертвы на алтарь музыкальной неискущенности. Стиснув зубы, они заполняли места в зале для того, чтобы ограничить круг разочарованных.

Однако семья была на удивление плодовитой, и Айрис не переставала мечтать, что однажды родственников станет чересчур много и материам запретят приглашать зрителей со стороны.

— У нас нет свободных мест, — словно слышала она себя.

К сожалению, пока Айрис могла лишь слышать, как мать просит деловых партнеров отца подыскать какой-нибудь концертный зал в аренду.

Что касается остальных присутствующих, только немногие из них посещали концерты из года в год. Одни, полагала Айрис, приходили из любезности, другие — чтобы посмеяться, а кто-то — по причине незнания. Эти явно с Луны свалились.

Айрис не могла представить, что они ничего не слышали о концертах Смайл-Смитов, более того, что никто не предостерегал их в отношении этих мероприятий. Тем не менее каждый год на музыкальных вечерах появлялись новые несчастные лица.

Как, например, у того темноволосого мужчины в пятом ряду. Почему он не спускает с нее глаз?

Айрис была почти уверена, что не встречалась с ним раньше. Его благородное лицо производило приятное впечатление. Он даже хорош собой, решила она, хотя и не сногшибательно красив.

Может, баронет? Или богатый землевладелец? У него, должно быть, хорошие связи, потому что он появился здесь вместе с младшим сыном графа Ратленда. Уж его-то Айрис узнала сразу. Они как-то по случаю были представлены друг другу. Это ничего не значило, кроме того, что

достопочтенный мистер Бевелсток мог бы пригласить ее на танец, если бы соблаговолил.

Но этого не случилось.

Айрис не держала на него обиды за это. Ее редко ангажировали больше чем на половину танцев, заявленных на балу, но она с удовольствием пользовалась возможностью наблюдать за водоворотом светской жизни со стороны. При этом Айрис всегда интересовало, замечают ли любимцы общества, что на самом деле происходит вокруг них. Если кто-то постоянно находится в центре тайфуна, сможет ли он разглядеть, под каким углом падает дождь, и почувствовать силу ветра?

Может, она из тех, кто на балах подпирает стенку? Так в этом нет ничего постыдного. В особенности если это даже нравится. Почему бы и...

— Айрис, — прошипела кузина Сара, повернувшись в ее сторону и в упор глядя на нее.

О, проклятье! Она пропустила свое вступление.

— Извините, — пробормотала Айрис себе под нос, хотя вряд ли кто-то мог ее услышать. С ней никогда такого не случалось, она всегда вступала вовремя. И пусть сестры играли, как бог на душу положит, и им было наплевать, вступит она вовремя или нет, для нее это было делом принципа.

Кто-то ведь должен хотя бы попытаться сыграть, как полагается.

Айрис сосредоточилась и сыграла свою партию самым превосходным образом, заглушая Дейзи, которая продолжала извиваться во время исполнения. Когда наступила очередная пауза, Айрис не удержалась и бросила взгляд в зал.

Джентльмен все так же смотрел на нее.

Может, что-то зацепилось за платье? Или за волосы? Не раздумывая, она провела рукой по прическе.

Ничего!